

А Цзю: «Старый глава павильона был негодяем, и старейшины тоже переняли дурное. Я научу их, как быть людьми».

Тан Шаотан остался безмолвен. У А Цзю была поистине огромная наглость — собираться преподать урок высшим чинам Павильона Ушоу.

А Цзю, чьи амбиции были выше небес, а слова громче, чем позволяли годы, зевнул и потянулся к двери: «Я устал, сначала посплю».

Тан Шаотан не отрывал глаз от А Цзю, пытаюсь понять, где в его словах правда, а где ложь.

А Цзю: «Уставился на меня? Думаешь, так узнаешь что-то о Павильоне Ушоу?»

Тан Шаотан: «...»

А Цзю: «Подумай быстрее. Когда решишь, скажи мне, как тебя зовут. Я не сотрудничаю с безымянными».

Тан Шаотан: «...»

А Цзю, словно дразня, помахал пальцем перед самым лицом Тан Шаотана и повторил: «Скажи мне своё имя, и я расскажу тебе всё, что знаю о Павильоне Ушоу».

Сделка, по правде говоря, была выгодной. Для убийцы имя — всего лишь условность, не имеющая особого значения. Тем более для такого новичка, как Тан Шаотан: назови он своё настоящее имя, его всё равно никто не знает и не спросит.

Более того, можно было соврать, назвавшись вымышленным именем.

Но Тан Шаотан не хотел лгать.

У него не было ничего в этом мире, кроме этого имени — единственного дара от родителей.

А Цзю, улыбаясь, отступил на два шага и закрыл дверь комнаты.

Тан Шаотан застыл на месте, ещё не успев всё обдумать, как дверь снова отворилась, и оттуда высунулась рука.

Тан Шаотан: «?»

А Цзю: «Дай мне тангхулу».

Тан Шаотан молча протянул палочку с засахаренными ягодами. А Цзю принял угощение, тут же захлопнул дверь и задвинул засов.

...

Внутри комнаты.

А Цзю отломил одну ягоду тангхулу, лизнул её, и на его лице мелькнула презрительная усмешка. Он снял все ягоды с палочки и швырнул их в таз с водой для умывания. Затем достал пакетик с какими-то неизвестными травами, ухватил двумя пальцами за уголок бумаги, аккуратно развернул и высыпал содержимое в воду. Лёгким движением пальцев он размешал её. Вода завертелась, омывая прозрачные ягоды, а красно-коричневая сахарная глазурь

медленно растворилась.

Мгновение спустя в тазе осталась лишь чёрная жижа.

Глава павильона Жуань Лин, помешивая мутную воду перед собой, усмехнулся про себя: «Наживка брошена. Теперь посмотрим, клюнет ли рыба с обеих сторон».

Авторская ремарка:

Добро пожаловать в коллекцию, чтобы подождать, пока история подрастёт!

Спасибо.

Раз А Цзю вернулся в свою комнату, Тан Шаотану не было смысла дальше торчать в коридоре, привлекая любопытные взгляды. Его комнату приготовили по соседству. Сделав пару шагов, он вошёл, сел на кровать и, закрыв глаза, погрузился в медитацию.

Три часа спустя, когда уже стемнело, внутренняя энергия Тан Шаотана совершила три полных цикла по его меридианам. Никаких аномалий не обнаружилось.

Он взял медное зеркало и приложил руку к своей бледной шее.

Неужели он не отравлен и не заражён гу?

Тан Шаотан отчётливо помнил, что во время схватки с третьим старейшиной его действительно укусило насекомое гу, после чего он и был захвачен.

Согласно многолетним расследованиям Павильона Радужных Одежд, в Павильоне Ушоу действительно существовало смертельное искусство наложения гу под названием «Чёрная метка». У поражённого на шее или лице появлялась чёрная точка, и с этих пор он навсегда попадал под контроль того, кто наложил гу.

Но как ни проверял он себя снова и снова, на своём теле он не обнаружил ни малейшего следа гу.

В его сердце закралось сомнение: неужели Павильон Ушоу и вправду лишь избил его и закопал, не предприняв ничего более?

Также его озадачивал А Цзю, проживавший в соседней комнате.

Он ничего о нём не знал.

Ну... не сказать, чтобы совсем ничего.

Он по крайней мере знал, что А Цзю любит поесть и поспать, что тот спас ему жизнь и имеет свои счёты с Павильоном Ушоу.

А, ещё у него неплохая лёгкая поступь. Ведь он так и не смог от него оторваться, когда тот преследовал его.

Не сказать, что совсем ничего, но и не больше этого. Происхождение и личность А Цзю оставались загадкой.

Он не знал, стоит ли доверять ему и объединить усилия, чтобы вырвать для себя нить надежды, или же следует просто отблагодарить его и разойтись.

...

В то же самое время, гора Ушоу, Павильон Ушоу, кухня.

Здесь тоже была группа людей, погружённых в раздумья.

Повар и его помощники дрожали, стоя на коленях, не смея даже вздохнуть поглубже. Они уставились в пол, их сердца трепетали от страха и непонимания.

Не ведали они, за какие такие грехи на их головы свалилось это несчастье — личный визит сурового и неразговорчивого телохранителя главы павильона с требованием об ужине.

Но ужин уже давно был отправлен!

Зачем же он снова пришёл? Несчастные они, право!

На лице Ши Вэня, как всегда, не читалось никаких эмоций. Он лишь лаконично повторил: «Еда».

Главный повар, старина Чжан, набравшись смелости, ответил: «У... ужин уже отправлен вам, господин. Может, господину Ши Вэню что-то не понравилось в сегодняшних блюдах?»

Старина Чжан про себя недоумевал: обычно, когда глава павильона был здесь, всё шло как по маслу, и на еду никогда не жаловались. Почему же теперь, когда глава отлучился, его телохранитель вдруг стал привередничать?

Ши Вэнь поднял два пальца и без выражения сказал: «Две порции».

Старина Чжан поднял голову, морщины на лбу сложились в выражение полного недоумения: «Две порции?»

Почему две? Глава павильона ведь в отъезде.

Ши Вэнь: «Моя и главы павильона».

Старина Чжан попытался объяснить: «Господин Ши Вэнь, глава павильона сейчас не на горе Ушоу, поэтому мы и приготовили лишь одну порцию ужина для вас».

Ши Вэнь в Павильоне Ушоу был известен как тот, кто «изредка говорит на человеческом языке, но в основном не понимает, что говорят другие». Поэтому слова старика Чжана он, как обычно, пропустил мимо ушей и по-прежнему упрямо твердил: «Две порции. Моя и главы павильона».

Старина Чжан и думать не смел спорить с Ши Вэнем. Он поспешно, почти кубарем, поднялся с пола, крича на ходу: «Да-да, сейчас, сию минуту приготовим! Живо, все за дело! Быстрее готовьте ужин для главы павильона!»

Раз Ши Вэнь потребовал приготовить ужин для главы павильона, значит, так тому и быть.

Неважно, собирался ли этот господин сам всё съесть, припрятать на праздник или использовать как подношение — это не касалось прислуги. Надо было просто выполнить

приказ.

Над кухней поднялся дымок, повара засуетились. И вскоре, всего лишь за время приготовления одной трапезы, свежий ужин для главы павильона был готов.

Ши Вэнь взял коробку с едой, кивнул и развернулся к выходу.

Старина Чжан вытер пот со лба и проводил взглядом удаляющуюся «грозную статую».

...

Ши Вэнь, не обращая внимания на окружающих, вошёл в кабинет Жуань Линцзю, закрыл дверь, привычно наступил на скрытые механизмы в четырёх углах пола, открыл потайной люк и спрыгнул в подземную комнату.

При свете свечей маленькая фигура в глубине комнаты пошевелилась и настороженно подняла голову.

Хозяйкой этой фигуры была женщина с изящными чертами лица и печальным, трогательным взглядом.

Цюй Цзюаньцзюань, которая сбежала, но была поймана в ловушку из десяти тысяч гу за пределами горы Ушоу и возвращена Ши Вэнем.

Ши Вэнь поставил коробку с едой на стол и холодно произнёс: «Еда главы павильона. Твоя еда».

Цюй Цзюаньцзюань почтительно приняла коробку и, опустив голову, тихо пробормотала: «Спа... спасибо...»

Ши Вэнь, выполнив задание, данное главой павильона, не стал задерживаться и повернулся, чтобы уйти.

Но Цюй Цзюаньцзюань остановила его: «По... подождите, пожалуйста».

Ши Вэнь: «?»

Цюй Цзюаньцзюань, тщательно взвесив слова, не выдержала и спросила: «Я уже рассказала всё, что знаю. А глава павильона... когда он отпустит меня? Я клянусь, никогда больше не вернусь в Павильон Радужных Одежд и не буду передавать им никаких сведений».

Попав в руки Павильона Ушоу, она уже оплакала свою судьбу и была готова к смерти. Но, к её удивлению, глава Павильона Ушоу предложил ей сделку: информацию о Павильоне Радужных Одежд в обмен на жизнь и свободу.

Ши Вэнь ответил: «Глава павильона сказал: "Когда дело будет сделано, тебя, естественно, отпустят"».

Цюй Цзюаньцзюань закусила губу, помедлила и осторожно, почти шёпотом, спросила: «А... а Тан Шаотан? Он... как он?»

Ши Вэнь честно ответил: «Не знаю».

Цюй Цзюаньцзюань опустила голову ещё ниже. Почти рыдая, она прошептала себе под нос:

«Вы, наверное, смеётесь надо мной, лицемерной? Я предала его, а теперь притворяюсь, что беспокоюсь о нём, спрашиваю о его безопасности. На самом деле я...»

На самом деле она не хотела этого делать.

Не хотела предавать Тан Шаотана. Она просто хотела выжить.

Все знали: стоит лишь попасть в Павильон Ушоу и быть поражённым ядом гу, и даже если не умрёшь, жизнь станет хуже смерти. Убийство главы Павильона Ушоу всегда было заданием на верную гибель, где девять из десяти шансов — смерть, а то и все десять. Павильон Радужных Одежд обычно отправлял на такие задания лишь самых преданных или тех, чьи сердца уже умерли.

Она не понимала, почему господин выбрал именно её. Почему она-то?

Неужели она так хорошо скрывала свои истинные чувства, что даже господин не заметил, что её сердце давно отступилось и она больше не желает служить Павильону Радужных Одежд?

Она не хотела умирать. Тем более не хотела умирать за Павильон Радужных Одежд.

Поэтому главе Павильона Ушоу не потребовались ни пытки, ни угрозы, ни подкуп. Стоило лишь дать ей луч надежды, намёк на возможность выжить, и она была готова выложить всё, что знала о Павильоне Радужных Одежд.

<http://bllate.org/book/16258/1462477>